

Владимир Каткевич

Кто хороший специалист?

Глава из романа «Каждый рейс, как последний»

«В тумане скрылась от меня Одесса,
Гляжу я вдаль без интереса...»

Р. К., матрос 2-го класса

Из архива сотрудника «Моряка» А. Мусти

«Леха, ты, Алексей Кондратьевич, был
рукодельным специалистом...»

Из выступления на похоронах Лехи Все Плохо

За тонкой пластиковой переборкой гужбанят, вино журчит, когда его разливают по стаканам. Границы ночей, дней, часовых поясов перепутаны и располовинены вахтами, междусобойчик могут устроить и в четыре часа ночи. Мусолят кубинскую тему, о которой знают не понаслышке.

– В ноябре 61-го, нет в октябре, приняли в Балабановке ракетные комплексы с личным составом, – вспоминает Леха, – и «Задонск» снялся. Перед Кубой в точке у пятидесятимильной зоны, как обычно, встретил дозор америкосов. Капитан Адольф Степухин приказал вывесить «два шара», «потерял управление», это у Адольфа как здрасьте. Да, дождались ночи, и без бортовых огней рванули от фрегатов. Шли на форсированном ходу. Только на подходе к Мариэлю штатники нагнали и стали семафорить: «Что же вы нас подвели?». Америкосов оставили с носом, но на пятом цилиндре выкрошился подшипник крейцкопфа. Кубинцы запросили за ремонт тысячу «зеленых». Я взялся сделать за спасибо.

– А начальство дало добро за пожалуйста...

– Залил подшипник баббитом и стал шабрить по чуть-чуть. Жара несусветная. Чтоб не лопухнуться, раз двести вирал шатун талями, замерял шупом зазор. Шкреб его, шкреб, потом ребята в цирк, а я – ногами вперед. Сорвал поясницу. Но подогнал без люфта с паспортным допуском два миллиметра. Подшипник подогнал, все сплошная реклама, а кольца в ручьи поршня не лезут.

– Вся работа до фени?

– Кольца из Дании привезли на Кубу самолетом. Когда снялись, над гафелем зависла американская летающая лодка «Каталина». Вот тогда датские кольца от «Бурмилы» игодились. Выжали из «Бурмилы», что могли. Бабуин был тогда третьим механиком.

– У Степухина? Я не знал.

– Степухин его и сейчас на «Задонск» приглашает. Возьмет стармехом хоть завтра. Срывались на форсаже, расклинивали клапана отвертками. Труба выгорела.

– Иди ты!

– До дыр. Степухин ослепил пилотов прожекторами, и «Каталина» отстала.

– Премию хоть выписали?

– Медаль дали «За трудовую доблесть» и делегировали на съезд ударников коммунистического труда.

– От пароходства тогда поехало четыре передовика. Боцман, ты ж тоже ездил?

– А... Мы когда солдат возили, в твиндеках полсотни градусов было, душегубка. Я заказывал для палубных работ у командира дивизиона помощников, сажал за стандерсом в теньке, чтоб дохнули свежачка. Жалко пацанов...

– Ну а за орден Ленина тебе бабки дали?

– Не положено...

– Ты, Макарыч, ядерные боеголовки тоже возил?

– Нет, боеголовки возил от ЧМП «Медногорск», капитан Ововский, и с Балтики «Александровск». Боезапас «Медногорска» мог накрыть 60 городов в США.

– Пароходы в случае чего положено было подорвать?

– Не только их. Все пароходы с оружием были заминированы. У нас два дяди ехали в штатском, в ящике ковырялись, проверяли готовность.

- А как же экипаж?
- Экипаж вместе с дядями и солдатами превратился бы в радиоактивную пыль.
- Кучеряво!
- Степухину Героя таки и не дали?
- Дали капитану Киму Голубенко.
- А Степухин за Уренгой получит. Он сейчас трубы возит, я в Ильичевске «Задонск» видел. Адольф поставил кабину от «уазика» на крыше рубки, чтобы лишний ряд труб загрузить на палубу.
- Я видел эту порнуху. Как голубятня.
- Ходят в Новый порт на Оби.
- Говорят, они там заколачивают больше, чем мы за бугром...
- Степухин меня приглашал, уйду к нему, – хорохорится Леха.
- Специалисты везде нужны.

Тестирование на звание хорошего специалиста и специалиста с двумя левыми ручками, растущими из жо, тема неисчерпаемая на всех без исключения судах.

- Хватит жевать говно. Уже нолито.

Уже ндлито, и палуба кисляком подлита (в обоих дремучих оборотах ударение на первом слогe).

- За то, чтобы Черное море не пересохло, и у нас у всех была работа!

Традиционный тост каботажников. Чокаются. Судя по голосам, в каюте среднее звено, подшкипер, кормовой боцман, массажист, зеленщица...

- Леха, в Дакар записался?

- Что я там забыл? Я в Пальмесе грамотно отоварюсь.

- Излишки заныкаешь в коффердаме?

- Тихо ты, у переборок уши! А твой слесарь-инженер не стучач? Это уже в адрес Каминского.

- А если без личностей? – Каминский не выдержал.

- Не понл...

- Закрой пар на гудок! – Каминский стучит в переборку африканской маской из того самого эбенового дерева, которым Калараш запасся в Суробайе.

Пальмас на морском сленге Лас-Пальмас. Леха на берег выходит только в ключевых моряцких портах, их меньше, чем паль-

цев на руках: Пальмас, Сингапур, Гибралтар, Бейрут, Роттердам, Генуя, еще японский Кобе.

В остальных всяких экзотических Ямайках, Гаити, Парамарибо и Сан-Гренадино опускает ночью рефлектор к воде и ловит на свет рыбу. Неужели он тоже устает от людей?

Хлопнула дверь каюты, разошлись. Дите, небось, спит в своей четырехместной конюшне, как убитый на войне. Храпит, разумеется. Будить его не рекомендуется, со сна может покалечить. Надо бы на вахте перекемарить на ветоши в коффердаме, тесном ребристом пространстве между водонепроницаемыми переборками. Там пахнет подогретым тропиками дерьмом, внизу под решеткой урчит фекальный насос, но зато никого не видишь. Еще до армии Каминского целый месяц изматывала свирепая бессонница. За этот месяц он постарел, морщины лучились у глаз, хотя всегда выглядел года на четыре моложе. Днем засыпал в троллейбусе, ночью маялся. Ходил даже среди ночи на станцию «Скорой помощи». Фельдшер дал ампулу димедрола. Разломал ампулу, выпил. Не помогло.

В карантине у них один заснул в строю, сержант дернул новобранца за ремень и заорал:

– Калуга, тю, Кулага, ты совсем оборзел в строю спать, курва!

Кулага был нескладным больным парнем, путал команды, левую ногу с правой. У него обнаружили запущенный триппер.

– Надо же, уже в армию дебилей берут! – возмутился на разводе начальник штаба отряда майор Малишевский.

